

Жизнь и смерть во мне объявили мне:
«Жизнь — игра, у тебя нет масти,
Смерть к тебе не питает страсти,
Жизнь тебя проиграла, стуже и смерти
ты не нужен».

Жизнь и смерть во мне объявили мне:
«Будешь жить, не кидая тени, обладая
горячим телом,
Обжигая холодным взглядом, станешь
ядом».

Жизнь и смерть во мне объявили мне:
«Так и будешь идти по краю,
Между адом земным и раем,
Между теми, кто жил, кто снится,
Путать лица...»

Гр. Кукрыниксы
«Никто»

ПРОЛОГ

Бам-с!.. Резко подняться ей помешало что-то гладкое сантиметрах в тридцати от ее лба. А мороз-то какой! Она попыталась ощупать себя, но локти наткнулись на тесные холодные стены. Тем не менее нескольких скованных движений хватило, чтобы понять, что она обнажена. Какого черта?!

Прежде чем предпринять следующую попытку пошевелиться, она зажмурилась и попыталась восстановить в памяти цепочку последних событий, которые привели ее к столь незавидному положению. Из глубин сознания посыпались яркие вспышки: дрожащая стрелка спидометра на отметке «сто восемьдесят»; расплывающаяся перед глазами, горящая красным светом приборная панель; дворники, с трудом преодолевающие сопротивление плотного потока воды. И какой-то постоянный источник раздражения справа от нее: «Ты что, права купила? Плетешься еле-еле! Мы так до утра будем ехать! Жми на педаль!»

Антон!

Бам-с!.. И зачем только она снова попыталась поднять голову?.. Ах да, чтобы посмотреть, нет ли ря-

дом Антона. Но тут его точно нет. Тут слишком тесно даже для нее одной. И это явно не автомобиль, в котором она находилась в последние секунды своего сознания... Автомобиль разбился! Этого она не помнила, но помнила страшный удар, после которого она, по-видимому, отключилась. В последние секунды она уже совсем ничего не видела, да еще и Антон начал выхватывать у нее руль.

Жаль, если он тоже умер. Она, кажется, успела полюбить его за то недолгое время, которое они были вместе. Она скорбно поджала губы...

И тут же распахнула глаза в холодную темноту, едва сдержавшись, чтобы не устроить третий «бам-с» — что значит «тоже»?!. Она, конечно, голая, ледяная, замурована в каком-то металлическом ящике, но она живая! Покойники не делают «бам-с», ни при каких обстоятельствах! Выходит, ее похоронили заживо? В памяти моментально всплыли страшилки об исцарапанных изнутри крышках гробов. Неконтролируемая паника начала овладевать ею. Стоп! Не могли же ее похоронить в цинковом гробу и совсем без одежды! Скорее всего это всего лишь морг! Всего лишь морг. Какое облегчение. Это всего лишь значит, что в ее ближайшем окружении в подобных стесненных условиях сейчас ютятся те, кому повезло чуть меньше, чем ей. Они не делают «бам-с», не мерзнут, не испытывают липкого ужаса, не прибегают к собственной иронии, чтобы не свихнуться от пугающего открытия. Пожалуй, им даже можно позавидовать сейчас. А вот ей нужно срочно что-то предпринять, чтобы не пополнить ряды своих соседей. Естественно, они не показывают никаких признаков жизни, но она точно зна-

КАК УМИРАЛА ВЕРА

ет, что она в морге не одна. Тут должен быть кто-то еще, кто присматривает за ней и ее товарищами по несчастью. Кто-то определенно по несколько раз на дню играет в импровизированные пятнашки с этими холодными ячейками. И есть один-единственный способ достучаться до него сейчас.

Бам-с! Бам-с! Бам-с! Бам-с! Бам-с! Бам-с! Бам-с!
Бам-с!

1

Смерть — такое же естественное явление, как и рождение, только более значительное.

Стивен Кинг

«Кладбище домашних животных»

— Иду-иду, кому не спится?

Она замерла, услышав приглушенный голос, и немного удивилась спокойному тону говорящего. Может быть, это и не морг вовсе, если предполагается, что она должна просто спать? Шаги приблизились и затихли. Она постучала еще раз, чтобы указать невидимому спасителю свое местоположение.

Лязгнул замок, и ее пренеудобное ложе выкатилось из крошечной темноты на тусклый свет, который тем не менее заставил ее зажмуриться. Она наконец смогла протянуть руки, прикрыть ими заиндевевшее лицо и сесть без всякого «бам-с».

— Передумала?

Она отняла руки от лица и уставилась на говорящего. Невзрачный паренек с топорщащимися в разные стороны темно-русыми волосами, недельной щетинкой, в очках прямоугольной формы и сером халате смотрел на нее устало и недовольно.

— Хорош пялиться. — Она свесила ноги и скрестила их, чтобы хоть как-то спрятать ничем не прикрытые участки тела, руками обхватила себя за пле-

чи, загораживая ими обнаженную грудь и пытаюсь согреться. — Передумала что?

Она не преминула между делом с удовлетворением отметить свой впалый живот. «Как бы его удержать в такой форме?» — мимоходом пронеслось у нее в голове.

— Помирать, чего ж еще? — спаситель облокотился на ее недавнее ложе. В его, казалось бы, отстраненном взгляде заиграли искорки любопытства.

— Так это все-таки морг?

— Нет, б***, курорт на водах! — оживился собеседник.

Она огляделась по сторонам. Как минимум на трех тележках лежали трупы. Древняя старушка, старик и молодой мужчина с раскученным от подбородка до паха телом. «Это не Антон», — успокоила она себя. А вслух в сердцах воскликнула:

— Твою мать! Твою ж ты мать! Как я тут оказалась?!

Паренек молча наблюдал за ней.

— Я не один из ваших жмуриков, со мной можно разговаривать. — Она помахала ладонью у него перед лицом для убедительности. — Но сейчас стану им, если вы не дадите мне одежду. Что вообще принято делать в таких случаях?

— Понятия не имею. Впервые подобный казус.

— Да? А лицо у тебя такое, будто я третья за ночь.

— Это шок, — отмазался он.

— Врешь! Ты до сих пор что-то жуешь.

— На, — молодой человек снял с себя серый халат и накинул его на девушку. — Идти можешь? Сейчас найдем что-нибудь для согрева.

— Спасибо. Да, — уверенно ответила она, но, ступив на ледяной кафель босыми ногами, почувствовала небывалую слабость.

— Давай, опричь на меня. Как звать тебя?

— Вера.

— А я Пахом.

Слава богу, в подсобке у санитаря морга Пахома нашлось все необходимое для того, чтобы согреться, а также для того, чтобы отметить спонтанное знакомство. Вера сидела в спортивных штанах, удобство которых заключалось в том, что они затягивались шнурком на талии до нужного размера, и в растянутом шерстяном свитере крупной вязки. В руках она крепко сжимала граненый стакан с прозрачным напитком, а кончиками пальцев придерживала кусочек черного хлеба. Брезгливо оглядывая себя, она спросила:

— Чье это шмотье?

— За ним уже никто не придет, — обнадежил ее Пахом.

— Ясно, — поежилась Вера. — А мои вещи где?

— В больнице, наверное, остались. Плеснуть еще? Вера протянула руку со стаканом.

— После такого сколько ни выпей, будешь как стекло, — усмехнулся Пахом, подливая спирта из прозрачной колбы.

Вера отняла руку.

— погоди! Водой разбавлю! Не до такой же степени... — остановил ее Пахом.

— Смотрю, тебя тоже не особенно забирает.

— Ты видела моих клиентов? А тут еще и ты! В момент все выветрилось.

— Ладно, Пахом, раз ты такой трезвый и адекватный, рассказывай.

— Что?

— Хотя что-нибудь! Как я тут оказалась? Живая и в морозильной камере для трупов — хотя бы про это пару слов.

— Как все, из больницы привезли, — равнодушно ответил Пахом. — Только ты была неживая. Я своими собственными глазами видел.

Вера скептически посмотрела в затянутые пьяной поволокой глаза, глядящие на нее поверх грубой оправы очков.

— Я тогда еще не пил, — поймал он ее сомневающийся взгляд.

— Так ты вчера наверняка пил.

— Ну и что? Глаз-то наметан. Что я, мертвого от живого не отличу? Мертвая ты была. И белобрысый твой, убедившись в этом, слинял.

— Что? Антон был здесь? Он в порядке?

— Да, примчался вслед за «Скорой». Кричал, что на тебе не было ни царапины, что все ошиблись. Сам при этом весь в синяках и ссадинах. Я ему тебя выкатил, он постоял с минуту, руку твою потеревил, в дознании поучаствовал и ушел.

— Давно ушел?

— Да нет, с час. Тебя и привезли-то всего пару часов назад. А вскрытие назначили на семь утра.

Вера перевела взгляд на настенные часы.

— Может, стоит отменить?

— А им все равно надо доделать другого.

— Я понимаю, что ты не знаешь, куда сообщать в таком случае. Но может, стоит позвонить в больницу, чтобы меня увезли обратно? Или заявить в полицию о вопиющем случае? Или дай мне оставленные кем-нибудь из твоих клиентов ботинки и пальто, и я

просто пойду, — Вера заглянула в отрешенное лицо санитаря.

Тут он впервые посмотрел на нее осознанно и даже немного серьезно.

— Чувствуешь себя нормально?

— Вполне.

— Тогда иди.

— Ага, щас! — Вера резко передумала. Она закинула ногу на ногу и облокотилась на спинку дряхлого кресла. — Я засужу эту гребаную больницу, которая чуть не похоронила меня заживо, и буду безбедно существовать всю оставшуюся жизнь.

— Не стоит. Если ты сейчас не уйдешь, то вскрытие состоится независимо ни от чего. Поверь мне на слово.

Вера вздохнула:

— Шутник. Ладно, дай мне телефон. У тебя же есть мобила?

— Ты ничего не добьешься, — равнодушно заметил Пахом.

— Да я хоть Антону позвоню, он меня заберет.

— Не заберет.

— Машина разбита, но он найдет способ. Приедет на такси.

— Не знает тебя твой Антон.

— Как это, не знает?

— Сказал, что просто подвозил тебя. Менты записали его показания, контакты взяли на всякий случай и спрашивались.

— Ха, да ты брешешь! За рулем была я, это я расфигачила его тачку, а он был в стельку пьян! Значит, это не Антон приходил сюда, а самозванец какой-то. — Вера обиженно сложила руки на груди.

— Он самый, при мне его менты записывали.

— А что же он руку мою поглаживал, раз не признал?

— Да просто из жалости. Такая молодая и красивая, говорит. Ты и вправду даже мертвая красивая, — мечтательно проговорил Пахом.

— Фу, извращенец! Похоже, я вовремя очнулась!

— И не такая бешеная, — добавил он.

— Ты себя послушай, что ты мне тут лепишь! Что вскрытие состоится независимо ни от чего, что мой труп тебя привлек и что мой мужик меня не узнал после трех месяцев знакомства!

«Всего-то три месяца, мы друг другу никто», — с грустью подумала Вера. Она в него почти влюбилась, а вот он помалкивал. То ли присматривался, то ли обнадёживать не хотел. Мог ли Антон сейчас так поступить, чтобы избежать лишних хлопот? Вполне. С ее родней и друзьями он не знаком, так что даже если бы и признался, что знает «погибшую», то ничем бы следователям не помог. Они и без него передадут информацию ее родственникам, а он поправит воротник своего модного пиджака и пойдет дальше, стерев этот инцидент и последние три месяца жизни из памяти. Он без труда найдет себе новую пассию или пороемся в старых запасах, которые и без того бесконечно напоминают о себе. Почему-то сейчас, когда она сидит в подсобке морга, распивая с санитаром медицинский спирт, согревая свое окоченевшее тело одеждой, снятой с какого-то трупа, ее заботит только то, что Антон так легко смирился с ее смертью и в данный момент, пожалуй, уже даже не скорбит. Зная его спокойный непоколебимый характер, Вера могла утверждать, что так оно и было.